

Андрей Тарковский: пополнение библиотеки к 70-летию

После кончины в 1986 году Андрея Тарковского у себя на родине он был окончательно причислен к сонму великих. «Эйзенштейн, Феллини, Тарковский», — отвечали на вопрос «Кто Ваш любимый режиссер?» абитуриенты ВГИКа и Высших режиссерских курсов, желая понравиться приемной комиссии. Дипломные и курсовые работы киноведов, культурологов, эстетиков, психологов охотно посвящались его творчеству.

2002-й — год семидесятилетия режиссера — отмечен выходом в свет целого ряда содержательных аналитических трудов и биографических материалов в специальной и общей печати. Мощный блок теоретических статей опубликовали «Киноведческие записки-56» (Дмитрий Салынский — «Канон Тарковского», А.Б.Ковач и А.Силади — «Меж двух миров: личность. Духовный путь Тарковского» и др.).

На прилавках книжных магазинов и киосков появилось несколько солидных новых изданий. Диапазон широк: от россыпи мемуарных эссе «О Тарковском. Воспоминания в двух книгах» (М., «Дедалус»), составителем которых выступает сестра режиссера Марина Арсеньевна, — до обстоятельного труда петербургского ученого Игоря Евлампиева, названного им «Художественная философия Андрея Тарковского» (СПб., «Алетейя»).

Первая часть сборника «О Тарковском» — переиздание книги 1989 года, которая хорошо известна читателям, неоднократно цитировалась, но ныне стала библиографической редкостью. Во вторую часть составительница включила и повторные публикации (например, фрагменты своей книги «Осколки зеркала» и бестселлера Андрея Кончаловского «Низкие истины»), и немало нового и свежего для российских читателей: здесь и воспоминания Акира Куросавы и Тонино Гуэрры, и радио-пьеса «Летняя ночь. Швеция» замечательного актера Эрланда Юсефсона, исполнителя главных ролей в «Ностальгии» и «Жертвоприношении», которая поэтически воспроизводит атмосферу съемок последнего фильма Тарковского на острове Готланд и образ самого режиссера (среди действующих лиц пьесы он назван: «Русский»).

Здесь соседствуют воспоминания и близких друзей режиссера, и случайных встречных на его жизненном пути. Центральное место занимают обширные и богатые разнообразными, впервые открывающимися семейными и бытовыми подробностями мемуары режиссера Александра Гордона, зятя Андрея Арсеньевича, сокурсника еще по роммовской мастерской во ВГИКе. Много свежего, трогательного и обаятельного в рассказе Татьяны Высоцкой, подруги Андрея по детской туберкулезной больнице, куда он попал школьником и где осуществил свои первые «режиссерские проекты»: поставил для лежащих маленьких больных пьесы «Кошкин дом» С.Маршака и «Красный галстук» С. Михалкова: был и постановщиком, и актером, и рабочим сцены. Интересно и свидетельство спутницы Андрея по трудным маршрутам на берегу реки Курейка в сибирской экспедиции после его ухода из института восточных языков. С увлечением читаются и полные любви, понимания и живой памяти об ушедшем воспоминания друзей юности Д.Шаринова и Н.Брагиной.

Все это — вплоть до зафиксированных мелочей или противоречивых суждений (ведь, как известно, любые мемуары неизбежно субъективны!) — дополняет представление об Андрее Тарковском, нашем современнике и земляке, в котором исключительный талант и неповторимость личности сочеталась с благородной простотой, интеллигентностью, деликатностью, но также и особой ранимостью, которая порою заставляла его прятаться за бравадой и некоторой экстравагантностью поведения.

В книге И.Евлампиева вместо житейских подробностей — высокие абстракции. Автор рассматривает фильмы режиссера в контексте таких проблем русской и западной философии XX века, как, например, «личность во времени и в вечности», «человек в мире умершего Бога». Не всегда можно согласиться с тем или иным исследовательским комментарием, но само высочайшее уважение к текстам кинематографиста заслуживает читательской благодарности. Замечу при этом, что человека, пишущего о Тарковском, будь то автор научной монографии или простой рецензии на фильм, сразу тянет на расшифровку его образов. Это понятно, ибо кадр Тарковского насыщен и

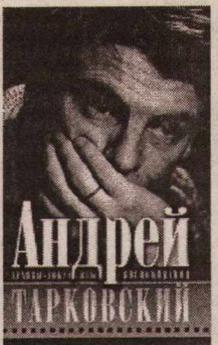
перенасыщен смыслами, полон, переполнен духом, мыслью. Перед нами кинематограф действительно «философский», «семиотический», «эзотерический», «религиозный» (это определения из отечественной и иноязычной литературы). И никому не возбраняется толковать его ткань по своему разумению, в чем охотно изощряются исследователи, особенно на Западе.

И поскольку кинематограф Тарковского действительно заглублен в мировую культуру, подобные вольные расшифровки можно продолжать бесконечно и при этом утратить ту непосредственную эмоцию и зрительское сопереживание, которых всегда добивался режиссер в своих картинах, ничего не «зашифровывая» и не «кодируя». Сложность его фильмов — это сложность духовного мира автора, это сам Тарковский, таков он. Уже с «Иванова детства», наиболее «простого» его фильма, он не выносил вопросов, что «означает» то, яблоки под дождем или лошади, которые едят яблоки у реки. «Яблоки — это яблоки!», «Лошадь — это лошадь!», — раздраженно отвечал он. Твердо надеясь на встречное душевное движение, доверие и понимание, он допускал, что на экране может оставаться нечто неразъясненное, не поддающееся разъяснению.

Мемуарная беллетристика и философское умозрение — крайности? Несомненно! Но и тот, и другой подход оправдали себя: читатели, интересующиеся и творчеством Тарковского, и — шире — проблемами современного киноискусства в панораме культуры, получают для себя питательную пищу каждый по своему вкусу.

И теперь самое главное для меня: между этими библиографическими новинками-полюсами 2002-го, юбилейного года располагается солидный, полный новизны и в своем роде сенсационный «дуплет»: две книги, похожие по дизайну эффектных гляцевых обложек, с портретами двух замечательно красивых людей, старого и молодого.

Это «Арсений Тарковский. Жизнь семьи и история рода» и «Андрей Тарковский. Архивы. Документы. Воспоминания», М., 2002). Издательство «Подкова» выпустило названные книги «порознь», их можно и купить, и читать по отдельности. Но вместе, рядом — интереснее вдвойне! И мне кажется, что автор первой, она же и автор-составитель второй книги, известный искусствовед и директор «Фонда Андрея Тарковского в Москве» Паола Волкова приняла šťastливое решение создать и выпустить книги об отце и сыне одновременно и в теснейшем соседстве. Потому что перед нами своего рода чудо: удивительное духовное, а не только буквальное, семейное родство двух равновеликих художников, поэта и кинематографиста. Огромное, всепоглощающее влияние поэзии отца, его замечательной личности, его творческой и жизненной судьбы на сына, избравшего иное художественное поприще, убедительно и ярко раскрыты Волковой, впервые столь широко публикующей документы личного архива Арсения Александровича Тарковского. В письмах мальчика к отцу, в школьных тетрадках сына, в любительских фотографиях встает перед нами драма распавшейся семьи Тарковских. Документы, поданные тактично, без лишнего слов, но с подтекстом, позволяющим догадываться о страданиях всех участников этой драмы, дадут пылливому чи-

тателю возможность проследить жизненные пути к «Зеркалу», ко всему творчеству Андрея Тарковского.

Волкова проследила генеалогию старинного рода Тарковских аж до четвертого колена, собрала документы и апокрифы нескольких столетий. Впервые предстает перед нами во всей рельефности фигура Александра Карловича Тарковского, отца Арсения и деда Андрея, нардовольца, бунтаря против общественной несправедливости, человека, обладающего несомненным художественным даром, который передался и сыну, и внуку. В книге опубликованы «Сибирские очерки» Александра Тарковского — плотная, насыщенная проза путевого дневника. И это существенно не только, как биографический факт, прямо касающийся родства нашего Андрея Тарковского, но и как важная тема русской национальной культуры — культуры родовой, культуры родов: Трубецких, Голицыных, Оболенских. Род Тарковских вписывается в эти драгоценные скрижали русской истории.

Особо знаменательным событием для «тарковсковедения» является сенсационная публикация полной авторской версии труда «Запечатленное время».

По злой иронии судьбы, это сочинение, переведенное на десятки языков — от итальянского до хинди — и давно изданное во всем мире, не существовало на родном, русском. Ее первоначальные фрагменты — статья Тарковского «Запечатленное время», написанная им во время простоя между «Андреем Рублевым» и «Солярисом» для академического сборника «Вопросы киноискусства» (М., «Наука», 1968), и брошюра соавтора Тарковского — киневеда Ольги Сурковой «Книга сопоставлений», сумевшей напечатать первый вариант рукописи, которую она как журналистка готовила вместе с Тарковским — по договору с советским издательством «Искусство» и которая была по сдаче отвергнута редакционной цензурой.

Удивительные дела людские! И сегодня (2002 год!) работа «Запечатленное время» появилась на свет под обложкой книги «Андрей Тарковский. Архивы. Документы. Воспоминания» среди разнохарактерных и неравных по качеству текстов других авторов. Спасибо составителю книги П.Д.Волковой, которая отважилась перейти казуистические препоны всяких там копирайтов и чьих-то материальных интересов! Поражаясь неприятной посмертной ситуации с текстами Тарковского, можно ли не вспомнить еще раз наследницу и хранительницу архива С.М.Эйзенштейна, его вдову П.М.Аташеву, которая была бесконечно далека от любых имущественных притязаний, радовалась публикации каждой строчки и немало способствовала тому, чтобы сделать достоянием читателей бесценный литературный корпус эйзенштейновских трудов...

Книга «Запечатленное время» — не только опыт теоретических штудий о природе киноискусства вообще, но и авторский манифест — «кредо» своего кино, но и авторский комментарий к фильмам Андрея Тарковского, в определенном смысле, автопортрет художника.

Отечественные исследователи были до сих пор лишены этого достоверного источника или ограничены в обращениях к нему: в лучшем случае им приходилось цитировать текст в обратном переводе с иностранных языков. Теперь с этим покончено — благодаря издательству «Подкова»...

Радуюсь великолепным книжным поступлениям, нельзя не видеть их промашек. Возникают справедливые претензии к редактору: он работал небрежно. Ценность текста умалются ошибками, которые привычно именуется «блохами». Их, к сожалению, в двух книгах немало. Например, в фолианте «Андрей Тарковский...» сообщается, что фильм «Солярис» получил на фестивале в Каннах (1972) Золотую Пальмовую ветвь. Увы! Не получал, имел спец-приз жюри; фамилия матери пишется то «Вишнякова», то «Вешнякова» — обидно, неприятно...

Поток новых публикаций о Тарковском не иссякает. В самом скором времени выйдет еще одно сенсационное свидетельство. Это книга Ольги Сурковой, ближайшей сотрудницы Тарковского в течение десятилетий, в том числе и на Западе. Книга называется «Дневник пионерки. Андрей Тарковский и я», издает «Зебра».

Полный разрыв с апологетической живописью, попытка реалистического портрета. Ждем!

Нея ЗОРКАЯ

С.К.Кедровская - 2002 - 7.10.02 - 39